

ИДЕАЛ ОБРАЗОВАНИЯ ВЕРНОПОДДАННОГО В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ

Корнетов Григорий Борисович,

*главный научный сотрудник Научно-методического центра педагогической рискологии
Академии социального управления, доктор педагогических наук, профессор, Москва,
kgb58@mail.ru*

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛА ВЕРНОПОДДАННОГО ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. СТАНОВЛЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ЕГО В КАЧЕСТВЕ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ СТОЛЕТИЙ. СУТЬ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭТОГО ИДЕАЛА.

• история российского образования • инновационность современной российской школы
• книга «О должности человека и гражданина» (1783) • идеал полезного верноподданного
в истории российского государства

Ровно 30 лет назад, в конце 1991 г., перестал существовать Союз Советских Социалистических Республик. 8 декабря 1991 г. главы трёх союзных республик — РСФСР, УССР и БССР — Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук и С.С. Шушкевич, подписав так называемое Беловежское соглашение, заявили о прекращении деятельности СССР. 25 декабря 1991 г. президент СССР М.С. Горбачёв снял с себя полномочия главы государства. На следующий день, 26 декабря 1991 г., Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования Советского Союза.

С этого момента началась новейшая история современного российского государства, ознаменовавшаяся коренной трансформацией всех сфер жизни нашей страны. Изменились общественный строй и экономический уклад, социальная структура и политическая система, идеологическая реальность и приоритетные духовные ценности. Изменения в полной мере затронули и сферу образования, которая на протяжении последних десятилетий непрерывно то кардинально перестраивается, то радикально реформируется, то бесконечно модернизируется [20, 22, 29].

В своей образовательной политике 1990–2010 гг. российское государство:

1) то пытается отречься от советского наследия, ориентируясь на западные образовательные модели, то обращается

к национальным педагогическим традициям, пытаясь возродить их;

- 2) то стремится максимально полно реализовать принцип гуманизации образования, поставив в центр вариативного учебно-воспитательного процесса ребёнка и обеспечив свободу педагогического творчества учителя, то втискивает школу в прокрустово ложе жёстких образовательных стандартов, предписывая учителю добиваться достижения установленных образовательных показателей, а не создавать наиболее благоприятные условия для реализации потенциала каждого конкретного ребёнка;
- 3) то осуществляет радикальную демократизацию управления школой, всего уклада школьной жизни, то встраивает образовательные организации в схемы жёсткого централизованного администрирования контроля и мелочного надзора;
- 4) то пытается предельно деидеологизировать школу, то ставит вопрос о необходимости чёткой идеологической направленности всей её педагогической деятельности;
- 5) то утверждает приоритетность процесса обучения в школьном образовании и стремится минимизировать воспитательную составляющую в работе школы, то выдвигает воспитательную функцию школы на первый план...

На пороге третьего десятилетия XXI в. в условиях нарастания связанных с пандемией

коронавируса трудностей и противоречий теория и практика образования всё более и более динамично развивающегося постиндустриального цифрового общества знаний сталкиваются с постоянно нарастающими трудностями. Возникает множество острых проблем, среди которых, пожалуй, центральное место занимает фундаментальный вопрос: на какие педагогические идеалы должна ориентироваться современная российская школа, какие учебно-воспитательные сверхзадачи должны быть для неё сегодня приоритетными?

В начале III тысячелетия всё более и более настойчиво подчёркивается необходимость обеспечить инновационный характер современного образования, которое, конечно же учитывая возможные риски, должно:

- а) соответствовать инновационному характеру общества знаний;
- б) готовить субъектов, способных к осуществлению инновационной деятельности в пространстве существующей социальной реальности;
- в) проектироваться по «инновационным лекалам» в формате эффективных педагогических инноваций [14, 16, 23, 28].

Проведённые Е.Н. Астафьевой новейшие исследования инновационных феноменов в образовании вообще и школьных инноваций в частности показывают необходимость продуцирования инноваций с опорой на педагогический опыт человечества, на традиции воспитания и обучения новых поколений, уходящие своими корнями в глубь веков и даже тысячелетий [3–5, 8, 10, 12, 13, 15]. И как здесь не вспомнить известное высказывание К. Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они её делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто ещё небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освещённом древностью наряде, на этом за-

имствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» [35].

Чтобы лучше понять, что есть отечественная школа сегодня и какой она может и должна стать завтра, её необходимо вписать в историко-педагогический контекст [2, 6, 9], в пространство генезиса тех традиций, которые составляли её «становой хребет» на протяжении столетий [27]. А для этого прежде всего следует обратиться к истокам этих традиций, к моменту их возникновения.

Становление школьного образования в истории России имело ряд особенностей. Какие-либо указания на существование школ и подобных им образовательных учреждений в дохристианской Руси отсутствуют. Христианская религия в форме православия к восточным славянам (предкам русских, украинцев и белорусов) пришла из Болгарии, в которой в отличие от Византийской империи школьная традиция не существовала. Православие с конца IX в. стало постепенно распространяться у восточных славян вместе со старославянским языком и письменностью, созданной на его основе братьями Кириллом (827–869) и Мефодием (815–885). Постепенно у предков русских, украинцев и белорусов сформировался церковнославянский язык, являющийся древнерусским изводом старославянского языка. На церковнославянском языке в Древнерусском государстве с XI в., как правило, писались религиозные и литературные тексты, а также летописи. В 988 г. киевский князь Владимир (бабка которого княгиня Ольга (893–969) уже задолго до этого события была христианкой) «крестил Русь», провозгласив православие официальной государственной религией Киевского княжества.

Несмотря на появление единичных училищ (так на Руси называли практически все учебные заведения вплоть до конца XVII в. [40]) школьное образование в Древнерусском государстве и последующих восточнославянских государственных образованиях, включая Московское царство, распространение не получило. О.Е. Кошелева и Л.В. Мошкова отмечают, что «у нас нет ни летописных, ни иных свидетельств о существовании училищ на Руси в XIII–XVI веках». При этом они пишут, что «под училищами или школами мы понимаем *организованные* учебные

заведения с определённой учебной программой». О.Е. Кошелева и Л.В. Мошкова, утверждая, что «обучение — это важнейшее средство передачи культуры на Руси — было ИНЫМ», подчёркивают, что «не школа, а КНИГА стала на Руси единственным источником и средством получения образования. Возможно, этим объясняется то уважение к печатному слову, которое прослеживается на протяжении всей нашей последующей истории» [41].

Традиция учёной книжности на Руси восходит к князю Владимиру Святославовичу (956–1015) и его сыну Ярославу Мудрому (978–1054). Так, в «Повести временных лет» говорится: «988. В лето 6496. <...> Владимир же был рад, что познал Бога. <...> Посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в учение книжное». И далее: «1037. В год 6545. <...> Любил Ярослав церковные уставы, попов очень жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью, и днём. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они множество книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением Божественным. <...> Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил, этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное. Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас на пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, наполняющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина» [38].

В фундаментальном академическом исследовании «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времён до конца XVII в.» (1989) отмечается, что «в эпоху, когда в государствах Западной Европы возникали школы и университеты, своими корнями уходившие в традиции классического античного образования, в Русском государстве складывалась такая система обучения и воспитания, в которой регулярная школа как государственный и церковный, институт оказалась в феодальный период лишним и ненужным звеном. Экономическое развитие страны на данном этапе не являлось фактором,

оказывавшим непосредственное влияние на систему образования. Оно не требовало введения школьного обучения. В каждом сословии существовали свои традиции обучения профессиональным навыкам. Государство не имело необходимости вмешиваться в эту сложившуюся систему».

Авторы «Очерков» обращают внимание на то, что «обучались в большинстве случаев в семье, иногда дети посылались на выучку к мастерам-профессионалам своего дела, принадлежавшим к тому же сословию. <...> Начальные знания письменной культуры получали либо в семье, либо обучаясь индивидуально у любого грамотного человека из ближайшего окружения, либо у мастера грамоты, т. е. человека, который занимался обучением детей уже специально и постоянно, хотя и совмещая такую учительскую деятельность со своей основной профессией. Мастер мог иметь сразу нескольких учеников, которые и составляли “училище”».

В «Очерках» говорится, что для понимания становления школьной системы в России существенно важно, что «государственные нужды в образовании удовлетворялись на данном этапе развития без создания светской образовательной системы. Книжное образование было профессиональным образованием церковнослужителей. Но в русской православной церкви в отличие от Запада не было богословского образования, церковь не создала школ, подобных европейским схоластическим школам. В этом сказалась иная философская парадигма православия. В качестве официально признаваемой католической церковью философской системы выступала схоластика, имевшая целью постижение бога в логике и рассуждении. Католическому богословию в качестве “служанок” были необходимы различные схоластические (т.е. школьные — от лат. *schola* — “школа”) науки, изучение которых требовало правильно организованной системы обучения, воплотившейся в школах. Православное богословие ограничивало роль разума в делах веры, полагая, что богопостижение более возможно через созерцание, чувство, нравственный подвиг. В сознании русских людей западноевропейская школа верно оценивалась как органичная часть римско-католической церковной системы и как таковая была неприемлема в Древней Руси» [37].

Только в XVII в. рост потребностей государства и церкви в образованных кадрах привёл к тому, что в стране явно обозначилась тенденция развития школьного дела. В начале это были единичные училища. С 1640-х гг. в Москве при Андреевском, Иверском, Спасском, Чудовом и других монастырях начинают создаваться школы. В 1681 г. при Печатном дворе открывается Типографская школа. В 1685 г. отрывается школа при Богоявленском монастыре, а в 1687 г. при Заиконоспасском монастыре создаётся Славяно-греко-латинская академия. Все эти учебные заведения имели выраженный религиозный характер. При создании этих учебных заведений использовался опыт византийских школ, а также православных братских школ, получивших распространение в XVI–XVII вв. на территории современных Украины и Белоруссии.

Становление школьного образования началось в России на рубеже XVII–XVIII вв. как одно из важнейших направлений реформ, призванных обеспечить программу модернизации страны, задуманной Петром I (1672–1725), вступившим на царский престол в 1682 г. и провозгласившим себя императором Всероссийским в 1721-м. Петру Великому потребовалось кадровое обеспечение всех тех многочисленных реформ, которые он осуществлял во всех сферах общественной жизни. Используя западно-европейский опыт, он стал создавать школы, которые призваны были утолять непрерывно нарастающий кадровый голод в грамотных людях — чиновниках, военных, моряках, инженерах, предпринимателях, учителях, врачах. Эти школы носили выраженный утилитарно-прагматический характер. Они были призваны вооружать всё большее и большее количество людей знаниями, умениями, навыками, профессиональными компетенциями, необходимыми для осуществления самых различных видов деятельности, на которые стремительно рос запрос в меняющейся стране. По словам В.О. Ключевского, в результате петровских реформ «старая домашняя школа со своими строениями стала архаическим украшением старомодной жизни. Возникли публичные школы с иноземными учителями, напечатаны грамматики, арифметики, геометрии; изданы законы об обязательном обучении духовенства и дворянства; грамотность, цифирь и геометрия объявлены были

необходимыми элементами общего образования; заморские “механические хитрости” закрыли собою прежнюю приходскую и домашнюю науку душевного спасения» [25].

Решая в своей образовательной политике чисто практические задачи и создавая множество самых различных учебных заведений, Пётр I, по существу, придал просветительское направление развитию Российской империи. По словам А.Л. Андреева, «в исследованиях по истории и культуре России не раз уже высказывалось мнение о том, что подход Петра к вопросам образования был чисто утилитарным, ему было нужно не собственно просвещение, а чисто техническая выучка для целей определённой профессиональной деятельности (П.Н. Милюков, П.Ф. Каптерев и ряд др.). <...> Но, как заметил В.О. Ключевский, для достижения этих достаточно скромных и ограниченных целей он приводил в действие такие средства, внушал такие стремления, которые невольно будили умы, расширяли взгляды и понятия, поднимали мысль над обходными интересами. <...> Если принять во внимание не только институционально оформленную систему обучения, но и весь образовательный контекст эпохи, в том числе всю совокупность воздействий, которые приобретавшая новые формы и новую идеологию государственность оказывала на социум, можно сказать, что Российская империя проектировалась и строилась как огромное просветительское учреждение. Правда, научные, культурные и образовательные задачи рассматривались в нём первую очередь в качестве “государственных”, что предполагало использование для их решения методов государственного принуждения. Этос учения, сопрягаемый то с идеей общего блага, то с государственной пользой, был ведущей, может быть, даже самой главной культурно-идеологической доминантой идущей от Петра традиции. <...> Учение и изучение, воспринимаемые одновременно и как служение, — это ценность, которую отстаивают, пропагандируют, завещают детям» [1].

При этом следует иметь в виду, что Пётр I, также, впрочем, как и последующие правители империи, пытаясь максимально использовать технологические выгоды просвещения, стремились и в экономике, и в политике насколько возможно сохранить «рабство».

Система народного образования создавалась в России как элемент государственной власти, призванный обеспечивать решение экономических и социальных задач, а также задач политических и идеологических [17]. Причём политико-идеологические задачи власть признавала всё более и более значимыми.

В 1762 г. на российский престол вступила императрица Екатерина II (1729–1796). В марте 1764 г. её личный секретарь И.И. Бецкой (1704–1795) представил императрице проект, названный им «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества». В этом документе, который в полной мере соответствовал идеалам эпохи Просвещения, он обосновал приоритет воспитания перед обучением в педагогической работе с подрастающими поколениями. Провозглашая, что «корень всему добру и злу Воспитание», И.И. Бецкой в целях выращивания «новой породы людей» предлагал создать воспитательные учреждения, главной задачей которых должно было стать формирование добродетельного члена общества.

Он писал: «При сих воспитательных учреждениях первое прилагать должно старание, чтобы вселять в юношество страх Божий, утверждать сердце в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам: возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтоб страшились праздности как источника всякого зла и заблуждения, научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких предерзостей, обучать их домогостроительству во всех онаго подробностях, и сколько в оном есть полезного, особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте как на самих себе, так и на принадлежащих к ним; одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в своё время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением. Такие и тому подобные правила, когда поселяются в сердцах воспитываемого юношества, надеяться можно, тем лучший плод произведут, что согласоваться будут с младостью и непорочностью их возраста» [18]. В своём проекте И.И. Бецкой последова-

тельно проводил идею примата воспитательной функции школьного образования над функцией обучающей.

Смысл имперского идеала воспитания, ставший краеугольным камнем образовательной политики российского государства на протяжении всей его последующей истории, был сформулирован в книге «О должности человека и гражданина». Эта книга, вероятно, подготовленная немецким аббатом И. Фельбигером, осуществившим в 1770-х гг. по распоряжению императрицы Марии Терезии успешную реформу австрийской школы, была впервые опубликована по прямому указанию Екатерины II в 1783 г. По поводу этого сочинения Э.Д. Днепров писал: «Высокое слово “гражданин”, вынесенное в заглавие этой книги, фактически совсем в ней не употреблялось, так же как и слово “человек”, которое встречается лишь в первой её части, где идёт речь о нравственных заповедях христианства. Ключевое слово книги — “подданный” (реже употребляется — “сын отечества”), и именно его обязанности детально здесь расписываются. Центральная установка этого воспитательного руководства, представлявшего собой своеобразный венец охранительных откровений в истории российской официальной педагогики» [21].

В книге «О должности человека и гражданина» был сформулирован тот идеал верноподданного, который, во-первых, должен был утвердиться в общественном сознании и, во-вторых, стать безусловным ориентиром для воспитания детей и молодёжи в Российской империи, во всех государственных школах. В книге следующим образом чётко определялось официальное государственное понимание патриотизма как любви к отечеству: «Любовь к отечеству в том состоит, чтобы мы государю, начальству и законам общества, в коем мы живём, усердно покорялись».

Конкретизировалось это положение следующим образом: «Истинный сын отечества должен привязан быть к государству, образу правления, к начальству и к законам. *Любовь к отечеству* состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, в котором мы живём». Отсюда следовало,

что «все подданные или члены общества обязаны правителям своим, за благодеяния и покровительство от них получаемое, почитать, Богу о них молиться, законам и уставам их повиноваться <...>. Каждый подданный должен оказывать почтение, любовь, послушание и верность не только государствующему, но и определённым и установленным от него меньшим властям. Вообще долг каждого подданного есть быть послушным, по введённым законам себя управлять и оные высоко почитать».

Книга «О должности человека и гражданина» указывала на четыре главные «должности» верноподданного сына отечества, признаваемые безусловно необходимыми: *«Первая должность сына отечества есть не говорить, ни делать что-либо предосудительное в рассуждении правительства, и по тому всякие возмутительные поступки, как-то: роптание, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, суть преступления против отечества и строго наказания достойны. <...> Повиновение есть вторая должность сына отечества. <...> Упование на прозорливость и правдолюбие правителей есть третья должность сына отечества. Повиновение сынов отечества должно быть действующее, то есть каждый сын отечества долженствует ко благу государства действительно употреблять все свои способности и своё имение, а особливо, когда требовать того будет начальство. Исполнение того есть четвёртая должность сына отечества. <...> Долженствует сын отечества охоту свою служить государству способностями и имением своим не по собственному рассуждению и произволению являть, но должен поступать по тому, как правительство от него требует; требуемое же обязан он во всяких обстоятельствах охотно исполнять»* [39].

Имперский образовательный идеал, служащий важнейшим ориентиром школы в её педагогической деятельности, оказался сфокусированным на образе верноподданного, абсолютно преданного самодержавному государству. По словам С.Н. Гаврова, «имперская власть <...> желает видеть абсолютно послушного себе подданного, обладающего в то же время активной жизненной позицией. Так, французский историк Левек заметил, что «Пётр ещё больше увеличил рабство рус-

ских, требуя, чтобы они стали похожими на свободных людей», а наш современник, А. Безансон, обращаясь уже к эпохе царствования Николая I, отмечал, что власть безусловно пыталась развить ещё петровскую дилемму — как «заставить раба, сохранив его таковым, действовать сознательно и свободно». Заметим, что проблема эта не решаема в принципе, когда человек берёт на себя всю тяжесть принимаемых решений и несёт за них полноту ответственности, он перестаёт быть рабом и становится свободным, вне зависимости от преходящих исторических обстоятельств. <...> Счастье идеально-типического подданного империи не в правах и свободах, не в собственности, а в бескорыстном служении Должному, являющемуся ему в образе имперской Власти. <...> В этой системе координат государство — самая значимая, доминантная ценность, властитель воплощает в своей персоне Власть и идею общественного блага, подданный, стоящий на более низких ступенях социальной лестницы, особой ценности для власти не представляет». С.Н. Гавров отмечает, что в Российской империи прочно укоренилась традиция, согласно которой государственная власть последовательно осуществляет «искусственную, основанную на системе воспитания, пропаганды и репрессий селекцию — выведение имперского человека» [19].

Идеал верноподданного гражданина государства, окончательно сформировавшийся в Российской империи в конце XVIII в., оставался базовым образовательным идеалом, на который ориентировалась официальная педагогика в последующие столетия и в самодержавной России, и в Советском государстве. На него в XXI в. стало всё более последовательно ориентироваться постсоветское государство. Именно в этом контексте Е.А. Ямбург обращает внимание на «заветную мечту правящей российской элиты (в каком бы веке она не действовала): попытаться как-то сочетать технологические выгоды просвещения, позволяющие не отстать от Европы, с рабством в экономике и политике» [42].

Несмотря на реформы и модернизации, перестройки и революции, образ человека-верноподданного вот уже несколько столетий лежит в основе государственного педагогического идеала. Его суть заключается в том, что это послушный и исполнительный

верноподданный, абсолютно преданный существующему политическому режиму, олицетворяющему собой Россию как таковую, готовый отдать всего себя и даже свою жизнь служению власти, которая должна быть ему ближе и дороже самых близких и родных людей и даже собственного благополучия [7, 32, 36]. ■

Список использованных источников:

1. Андреев А.Л. Учение как благо и повинность // Педагогика. 2007. № 10. С. 69–79.
2. Астафьева Е.Н. Восхождение к истории педагогики // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2015. № 4. С. 57–62.
3. Астафьева Е.Н. Изучение педагогических инноваций в историко-педагогическом контексте // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1. С. 62–66.
4. Астафьева Е.Н. Инновации в теории и практике образования: взгляд историков педагогики // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 3. С. 49–51.
5. Астафьева Е.Н. Инновации и традиции в педагогическом прошлом и настоящем // Инновационные проекты и процессы в образовании. 2019. № 6. С. 41–45.
6. Астафьева Е.Н. Историко-педагогический контекст теории и практики современного образования // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2016. № 4. С. 56–58.
7. Астафьева Е.Н. Образование в России и в мире в контексте Октябрьской революции 1917 года // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2017. № 2. С. 57–59.
8. Астафьева Е.Н. Педагогические инновации на основе обращения к прошлому: ретроинновация, ретровведение или традиционная инновация? // Историко-педагогический журнал. 2019. № 1. С. 178–191.
9. Астафьева Е.Н. Познавательный и образовательный потенциал истории педагогики // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2016. № 2. С. 59–62.
10. Астафьева Е.Н. Понимание соотношения традиций и инноваций в образовании в отечественной науке XXI века // Инновационные проекты и процессы в образовании. 2019. № 5. С. 15–22.
11. Астафьева Е.Н. Постигая историю педагогики // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2015. № 2. С. 59–62.
12. Астафьева Е.Н. Ретроинновации в теории и практике образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 2. С. 41–49.
13. Астафьева Е.Н. Традиции и инновации в образовании: взгляд российских учёных (2000–2010-е гг.) // Историко-педагогический журнал. 2019. № 4. С. 139–151.
14. Астафьева Е.Н. Трактовка педагогических инноваций и педагогической инноватики в отечественной науке (2000-е–2010-е гг.) // Историко-педагогический журнал. 2019. № 2. С. 44–57.
15. Астафьева Е.Н. Эвристический потенциал историко-педагогического контекста педагогических инноваций // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 4. С. 18–27.
16. Астафьева Е.Н., Лубский А.А. Трактовка отечественными исследователями рисков в современной инновационной образовательной деятельности // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 2. С. 6–16.
17. Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика, культура: научная монография. М.: Канон, РООИ «Реабилитация», 2008. 382, [1] с. — SBN: 978–5–88373–022–0.
18. Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества // Отечественные записки. 2004. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/generalnoeuchrezhdenie-o-vospitanii-oboego-pola-yunoshestva> (обращение: 20.11.2021).
19. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 352 с. — ISBN 5–354–00915–4.
20. Днепров Э.Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. Изд., 2-е, дополненное. М.: Мариос, 2011. 456 с. — ISBN 5–7897–0241–2.
21. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX — начале XX века. В 2 т. Т. 1. Политическая история российского образования. М.: Мариос, 2011. 648 с. — ISBN 5–7897–0191–4.
22. Ерахтин А.А. Трансформация российского образования в XX–XXI веках // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 19–31.
23. Инновации в теории и практике образования: историко-педагогический контекст: монография: в 2 т. / под ред. Г.Б. Корнетова; Министерство образования Московской области; Академия социального управления; Кафедра педагогики. М.: АСОУ, 2019. Т. 1. 208 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 125). — ISBN 978–5–91543–283–2.
24. Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: историко-педагогический контекст теории и практики современного образования. Материалы Двенадцатой Международной научной конференции: Москва, 17 ноября 2016 г. / ред.-сост. Г.Б. Корнетов; Министерство образования Московской области, Академия социального управления; Кафедра педагогики. М.: АСОУ, 2016. 256 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание. Вып. 100»). — ISBN 978–5–91543–206–1.
25. Ключевский В.О. Два воспитания [1893]. URL: <https://bibra.ru/composition/dva-vospitaniya/> (обращение: 22.08.2021).
26. Корнетов Г.Б. Историко-педагогический контекст теории и практики образования: монография / Министерство образования Московской области, Академия социального управления; Кафедра педагогики. М.: АСОУ, 2016. 172 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание. Вып. 97»). — ISBN 978–5–91543–200–9.
27. Корнетов Г.Б. Логическое и историческое: исследование педагогической реальности в контексте идей Э.В. Ильенкова // Инновационные

- проекты и программы в образовании. 2021. № 2. С. 6–11.
28. Корнетов Г.Б. Национальный проект «Образование»: инновационный контекст // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019 № 5. С. 6–14.
29. Корнетов Г.Б. Педагоги-новаторы, новое педагогическое мышление и инновационное движение в отечественном школьном образовании (вторая половина 1980-х — вторая треть 1990-х гг. Статья 1 // Историко-педагогический журнал. 2019. № 1. С. 72–100.
30. Корнетов Г.Б. Педагоги-новаторы, новое педагогическое мышление и инновационное движение в отечественном школьном образовании (вторая половина 1980-х — вторая треть 1990-х гг. Статья 2 // Историко-педагогический журнал. 2019. № 2. С. 58–86.
31. Корнетов Г.Б. Прогностическая функция истории педагогики // Психолого-педагогический поиск. 2011. № 1 (17). С. 90–106.
32. Корнетов Г.Б. Развитие школьного образования в России в фокусе Октябрьской революции 1917 года: монография / Министерство образования Московской области; Академия социального управления; Кафедра педагогики. М.: АСОУ, 2019. 172 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 122). — ISBN 978–5–91543–278–8.
33. Корнетов Г.Б. Феномен школы: взгляд сквозь столетия // Инновационные проекты и программы в образовании. 2018. № 6. С. 6–18.
34. Круглый стол «Историко-педагогический контекст теории и практики образования» // Педагогика. № 3. С. 84–118.
35. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.
36. Образование в России и мире в контексте Октябрьской революции 1917 года: сб. науч. тр. и материалов / ред.-сост. Г.Б. Корнетов; Министерство образования Московской области; Академия социального управления; Кафедра педагогики. М.: АСОУ, 2017. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 108). — ISBN 978–5–91543–230–6.
37. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времён до конца XVII в. / Днепров Э.Д., Кошелева О.Е. и др.; отв. ред. Э.Д. Днепров; АПН СССР. НИИ общей педагогики. М.: Педагогика, 1989. 479 с. — ISBN 5–7155–0033–8.
38. Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачёва; пер. Д.С. Лихачёва и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; Академия наук СССР. Ч. 1–2. Часть 1. Текст и перевод. М.; Л.: Издательство Акад. наук СССР, 1950. 407 с. (Сер. «Литературные памятники»).
39. Фельбигер И.И. О должностях человека и гражданина: Книга, к чтению определённая в народных городских училищах Российской империи, / Изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. Санкт-Петербург: [Типография Академии наук], 1783. [6], 250 с.
40. Чехов Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии / Педагогическая студия. М.: Издание товарищества «Мир», 1923. 149 с.
41. Школа и педагогика в культуре Древней Руси. Часть I. Историческая хрестоматия / сост. О.Е. Кошелева, Л.В. Мошкова; Российский открытый университет. М.: Издательство Российского открытого университета, 1992. 208 с.
42. Ямбург Е.А. Беспощадный учитель: педагогика non-fiction. М.: Бослен, 2019. 464 с. — ISBN 978-5-91187-305-9.

Spisok ispol'zovannykh istochnikov:

1. Andreyev A.L. Ucheniye kak blago i povinnost' // Pedagogika. 2007. № 10. С. 69–79.
2. Astaf'yeva Ye.N. Voskhozhdeniye k istorii pedagogiki // Academia: Pedagogicheskiy zhurnal Podmoskov'ya. 2015. № 4. С. 57–62.
3. Astaf'yeva Ye.N. Izucheniye pedagogicheskikh innovatsiy v istoriko-pedagogicheskom kontekste // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2019. № 1. С. 62–66.
4. Astaf'yeva Ye.N. Innovatsii v teorii i praktike obrazovaniya: vzglyad istorikov pedagogiki // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2019. № 3. С. 49–51.
5. Astaf'yeva Ye.N. Innovatsii i traditsii v pedagogicheskom proshlom i nastoyashchem // Innovatsionnyye proyekty i protsessy v obrazovanii. 2019. № 6. С. 41–45.
6. Astaf'yeva Ye.N. Istoriko-pedagogicheskiy kontekst teorii i praktiki sovremennoy obrazovaniya // Academia. Pedagogicheskiy zhurnal Podmoskov'ya. 2016. № 4. С. 56–58.
7. Astaf'yeva Ye.N. Obrazovaniye v Rossii i v mire v kontekste Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 goda // Academia. Pedagogicheskiy zhurnal Podmoskov'ya. 2017. № 2. С. 57–59.
8. Astaf'yeva Ye.N. Pedagogicheskiye innovatsii na osnove obrashcheniya k proshlomu: retroi-inovatsiya, retrovedeniye ili traditsionnaya inovatsiya? // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. 2019. С. 178–191.
9. Astaf'yeva Ye.N. Poznavatel'nyy i obrazovatel'nyy potentsial istorii pedagogiki // Academia: Pedagogicheskiy zhurnal Podmoskov'ya. 2016. № 2. С. 59–62.
10. Astaf'yeva Ye.N. Ponimaniye sootnosheniya traditsiy i innovatsiy v obrazovanii v otechestvennoy nauke XXI veka // Innovatsionnyye proyekty i protsessy v obrazovanii. 2019. № 5. С. 15–22.
11. Astaf'yeva Ye.N. Postigaya istoriyu pedagogiki // Academia. Pedagogicheskiy zhurnal Podmoskov'ya. 2015. № 2. С. 59–62.
12. Astaf'yeva Ye.N. Retroinnovatsii v teorii i praktike obrazovaniya // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2019. № 2. С. 41–49.
13. Astaf'yeva Ye.N. Traditsii i innovatsii v obrazovanii: vzglyad rossiyskikh uchonykh (2000–2010-ye gg.) // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. 2019. № 4. С. 139–151.
14. Astaf'yeva Ye.N. Traktovka pedagogicheskikh innovatsiy i pedagogicheskoy innovatiki v otechestvennoy nauke (2000-ye–2010-ye gg.) // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. 2019. № 2. С. 44–57.
15. Astaf'yeva Ye.N. Evristicheskiy potentsial istoriko-pedagogicheskogo konteksta pedagogicheskikh

- innovatsiy // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2019. № 4. S. 18–27.
16. *Astaŭyeva Ye.N., Lubskiy A.A.* Traktovka otechestvennymi issledovatelyami riskov v sovremennoy innovatsionnoy obrazovatel'noy deyatel'nosti // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2020. № 2. S. 6–16.
 17. *Bermus A.G.* Modernizatsiya obrazovaniya: filosiya, politika, kultura: nauchnaya monografiya. M.: Kanon, ROOI «Reabilitatsiya», 2008. 382, [1] s. — SBN: 978–5–88373–022–0.
 18. *Betskoy I.I.* General'noye uchrezhdeniye o vospitanii oboyego pola yunoshstva // Otechestvennyye zapiski. 2004. № 3. URL: <http://www.stranaoz.ru/2004/3/generalnoeuchrezhdeniye-o-vospitanii-oboego-pola-yunoshestva> (obrashcheniye: 20.11.2021).
 19. *Gavrov S.N.* Modernizatsiya vo imya imperii: sotsiokul'turnyye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii. 2-ye izd. M.: Yeditorial URSS, 2010. 352 s. — ISBN 5–354–00915–4.
 20. *Dneprov E.D.* Noveyshaya politicheskaya istoriya rossiyskogo obrazovaniya: opyt i uroki. Izd., 2-ye, dopolnennoye. M.: Marios, 2011. 456 s. — ISBN 5–7897–0241–2.
 21. *Dneprov E.D.* Rossiyskoye obrazovaniye v XIX — nachale XX veka. V 2 t. T. 1. Politi-cheskaya istoriya rossiyskogo obrazovaniya. M.: Marios, 2011. 648 s. — ISBN 5–7897–0191–4.
 22. *Yerakhtin A.A.* Transformatsiya rossiyskogo obrazovaniya v XX–XXI vekakh // Noosfernyye issledovaniya. 2020. Vyp. 2. S. 19–31.
 23. Innovatsii v teorii i praktike obrazovaniya: istoriko-pedagogicheskiy kontekst: monografiya: v 2 t. / pod red. G.B. Kornetova; Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoy oblasti; Akademiya sotsial'nogo upravleniya; Kafedra pedagogiki. M.: ASOU, 2019. T. 1. 208 s. (Ser. «Istoriko-pedagogicheskoye znaniye». Vyp. 125). — ISBN 978–5–91543–283–2.
 24. Istoriko-pedagogicheskoye znaniye v nachale III tysacheletiya: istoriko-pedagogicheskiy kontekst teorii i praktiki sovremennoy obrazovaniya. Materialy Dvenadtsatoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: Moskva, 17 noyabrya 2016 g. / red.-sost. G.B. Kornetov; Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoy oblasti, Akademiya sotsial'nogo upravleniya; Kafedra pedagogiki. M.: ASOU, 2016. 256 s. (Ser. «Istoriko-pedagogicheskoye znaniye. Vyp. 100). — ISBN 978–5–91543–206–1.
 25. *Klyuchevskiy V.O.* Dva vospitaniya [1893]. URL: <https://bibra.ru/composition/dva-vospitaniya/> (obrashcheniye: 22.08.2021).
 26. *Kornetov G.B.* Istoriko-pedagogicheskiy kontekst teorii i praktiki obrazovaniya: monografiya / Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoy oblasti, Akademiya sotsial'nogo upravleniya; Kafedra pedagogiki. M.: ASOU, 2016. 172 s. (Ser. «Istoriko-pedagogicheskoye znaniye. Vyp. 97). — ISBN 978–5–91543–200–9.
 27. *Kornetov G.B.* Logicheskoye i istoricheskoye: issledovaniye pedagogicheskoy real'nosti v kontekste idey E.V. Il'yenkova // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2021. № 2. S. 6–11.
 28. *Kornetov G.B.* Natsional'nyy projekt «Obrazovaniye»: innovatsionnyy kontekst // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2019 № 5. S. 6–14.
 29. *Kornetov G.B.* Pedagogi-novatory, novoye pedagogicheskoye myshleniye i innovatsionnoye dvizheniye v otechestvennom shkol'nom obrazovanii (vtoraya polovina 1980-kh — vtoraya tret' 1990-kh gg. Stat'ya 1 // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. 2019. № 1. S. 72–100.
 30. *Kornetov G.B.* Pedagogi-novatory, novoye pedagogicheskoye myshleniye i innovatsionnoye dvizheniye v otechestvennom shkol'nom obrazovanii (vtoraya polovina 1980-kh — vtoraya tret' 1990-kh gg. Stat'ya 2 // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. 2019. № 2. S. 58–86.
 31. *Kornetov G.B.* Prognosticheskaya funktsiya istorii pedagogiki // Psikhologo-pedagogicheskiy poisk. 2011. № 1 (17). S. 90–106.
 32. *Kornetov G.B.* Razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v Rossii v fokuze Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 goda: monografiya / Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoy oblasti; Akademiya sotsial'nogo upravleniya; Kafedra pedagogiki. M.: ASOU, 2019. 172 s. (Ser. «Istoriko-pedagogicheskoye znaniye». Vyp. 122). — ISBN 978–5–91543–278–8.
 33. *Kornetov G.B.* Fenomen shkoly: vzglyad skvoz' stoletiya // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2018. № 6. S. 6–18.
 34. Kruglyy stol «Istoriko-pedagogicheskiy kontekst teorii i praktiki obrazovaniya» // Pedagogika. S. 84–118.
 35. *Marks K.* Vosemnadtsatoye bryumera Lui Bonaparta // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-ye izd. / Institut marksizma-leninizma pri TSK KPSS.M.: Politizdat, 1957. T. 8. S. 115–217.
 36. Obrazovaniye v Rossii i mire v kontekste Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 goda: sb. nauch. tr. i materialov / red.-sost. G.B. Kornetov; Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoy oblasti; Akademiya sotsial'nogo upravleniya; Kafedra pedagogiki. M.: ASOU, 2017. (Ser. «Istoriko-pedagogicheskoye znaniye». Vyp. 108). — ISBN 978–5–91543–230–6.
 37. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. S drevneyshikh vremen do kontsa XVII v. / Dneprov E.D., Kosheleva O.Ye. i dr.; otv. red. E.D. Dneprov; APN SSSR. NII obshchey pedagogiki. M.: Pedagogika, 1989. 479 s. — ISBN 5–7155–0033–8.
 38. Povest' vremennykh let / podgot. teksta D.S. Likhacheva; per. D.S. Likhacheva i B.A. Romanova; pod red. V.P. Adrianovoy-Peretts; Akademiya nauk SSSR.CH. 1–2. Chast' 1. Tekst i perevod. M.; L.: Izdatel'stvo Akad. nauk SSSR, 1950. 407 s. (Ser. «Literaturnyye pamyatniki»).
 39. *Fel'biger I.I.* O dolzhnostyakh cheloveka i grazhdanina: Kniga, k chteniyu opredelonnaya v narodnykh gorodskikh uchilishchakh Rossiyskoy imperii, / Izdannaya po vysochayshemu poveleniyu tsarstvuyushchey imperatritsy Yekateriny Vtoryyya. Sankt-Peterburg: [Tipografiya Akademii nauk], 1783. [6], 250 s.
 40. *Chekhov N.V.* Tipy russkoy shkoly v ikh istoricheskom razvitiy / Pedagogicheskaya studiya. M.: Izdaniye tovarishchestva «Mir», 1923. 149 s.
 41. Shkola i pedagogika v kul'ture Drevney Rusi. Chast' I. Istoricheskaya khrestomatiya / sost. O.Ye. Kosheleva, L.V. Moshkova; Rossiyskiy otkrytyy universitet. M.: Izdatel'stvo Rossiyskogo otkrytogo universiteta, 1992. 208 s.
 42. *Yamburg Ye.A.* Besposhchadnyy uchitel': pedagogika nonfiction. M.: Boslen, 2019. 464 s. — ISBN 978–5–91187–305–9.